

DOI 10.15393/j10.art.2018.3521

Ирина Святославовна Андрианова

кандидат филологических наук,
заведующая Web-лабораторией Института филологии
Петрозаводского государственного университета
(Петрозаводск, Российская Федерация)
yarysheva@yandex.ru

Оксана Александровна Сосновская

специалист Web-лаборатории Института филологии
Петрозаводского государственного университета
(Петрозаводск, Российская Федерация)
sosna2679@yandex.ru

СТЕНОГРАФИЧЕСКАЯ СИСТЕМА АННЫ ДОСТОЕВСКОЙ: ПРОБЛЕМА ДЕШИФРОВКИ*

Аннотация. Одной из уникальных особенностей рукописного архива семьи Достоевских является то, что в нем сохранились документы, содержащие стенографические записи. Это дневник А. Г. Достоевской 1867 г., наброски к роману «Братья Карамазовы», «Дневнику Писателя», ряд мемуарных и деловых записей, сделанных помощницей писателя. Большая часть этих документов была расшифрована в 1950–1970-е гг. Ц. М. Пошеманской, но остались документы, строки, слова, не разобранные ею или разобранные предположительно, а то, что расшифровано, требует критического анализа. Цель данного исследования — выявить, возможна ли дешифровка стенограмм А. Г. Достоевской спустя 150 лет со времени их создания, возможно ли повторение опыта Ц. М. Пошеманской сегодня. Для достижения этой цели выявлены основные особенности стенографической системы, которой владела жена Достоевского, и определены трудности прочтения ее стенограмм. А. Г. Достоевская пользовалась немецкой курсивной системой Ф. Габельсбергера, адаптированной для русского языка П. М. Ольхиным и в настоящее время забытой. Но и ее она приспособила под себя, вводя собственные логические сокращения-«самословы», изобретая свою «систему в системе», тем самым усложнив задачу дешифровки ее стенограмм. В центре нашего внимания — самый ранний из сохранившихся стенографических документов А. Г. Достоевской — первая книжка дневника, расшифрованная и отредактированная ею самой и Ц. М. Пошеманской и дающая «ключ» ко всем стенограммам жены писателя. Наш опыт работы с данным автографом показал, что методика, применявшаяся Ц. М. Пошеманской, — составление словаря сокращений А. Г. Достоевской и дальнейшая расшифровка с его помощью, — актуальна и сегодня, особенно с возможностью использования современных цифровых технологий. В статье приводятся выдержки из неизвестных архивных материалов А. Г. Достоевской и Ц. М. Пошеманской, намечены перспективы в изучении стенографических записей А. Г. Достоевской.

Ключевые слова: стенография, дешифровка, Ф. М. Достоевский, Анна Достоевская, дневник, Ф. К. Габельсбергер, П. М. Ольхин, Ц. М. Пошеманская

В архиве Ф. М. Достоевского хранятся стенографические записи его жены, в творческом сотрудничестве с которой писатель создавал свои произведения с осени 1866 г. и до конца жизни. На сегодняшний день сохранились две стенографические книжки дневника А. Г. Достоевской за 1867 г., наброски к XII книге «Братьев Карамазовых», «Дневнику Писателя» и незначительное количество других стенографических записей спутницы Достоевского¹.

Большая часть этих документов, связанных с биографией и творчеством великого писателя, была расшифрована в 1950–1970-е гг. Цецилией Мионовной Пошеманской, работавшей в Ленинградском бюро съездовых стенографов. Нам известна лишь одна попытка повторить ее опыт. Для этих целей была разработана «автоматизированная система распознавания и дешифровки стенограмм XIX — начала XX в.» [Рогов, Скабин, Талбонен, Штеркель], [Рогов, Скабин, Штеркель], [Гиппиев, Жуков, Рогов, Скабин], [Гиппиев, Рогов, 2014], [Гиппиев, Рогов, 2015]. Впрочем, до практического использования этой программы в дешифровке стенограмм А. Г. Достоевской дело не дошло.

Цель данной статьи — выяснить, возможно ли прочтение стенограмм А. Г. Достоевской спустя 150 лет со времени их создания. В центре нашего внимания — первая книжка ее стенографического дневника за 1867 г., расшифрованная самой женой писателя и Ц. М. Пошеманской и дающая «ключ» ко всем стенограммам А. Г. Достоевской. Это самый ранний документ из ее сохранившихся стенографических автографов. В задачи данной публикации входят: охарактеризовать основные особенности стенографической системы А. Г. Достоевской, рассмотреть ее в контексте истории стенографии в России, описать, в чем состоит сложность прочтения стенограмм жены Достоевского, дать критический анализ расшифровок Ц. М. Пошеманской, ввести в научный оборот неизвестные архивные материалы А. Г. Достоевской и Ц. М. Пошеманской, наметить перспективы в изучении стенографических записей А. Г. Достоевской.

Если воспользоваться определением учителя А. Г. Достоевской П. М. Ольхина, то стенография, «быстропись» или «краткопись» — это «искусство писать четко по возможности краткимъ письмомъ съ тою же быстротою, какъ говорятъ» [Ольхин: 23]. Для достижения быстрой скорости записи создатели стенографических систем разрабатывали простейшие удобосоединимые знаки, сокращали существующую в языке избыточность письма, то, что не несет в себе новой информации: гласные буквы (для языков консонантного типа, к которым принадлежит и русский), приставки, окончания и другие части слов, без которых возможно восстановление пропущенного. В стенографии писание и чтение происходят не по буквам, а согласно отдельным узнаваемым внутри слова символам, которые служат как бы намеками на полное слово.

Несмотря на то что в России стенография зародилась в XV–XVI вв. (в Новгороде и Пскове с помощью специальных знаков записывались выступления на городских вече), практическое применение она получила только в 60-е гг. XIX в. Это время введения судебной реформы, в результате которой были созданы адвокатура, институт присяжных заседателей и гласное судопроизводство и, соответственно, потребовались профессиональные стенографы:

«Министерство Юстиціи обратило вниманіе на то, что для изложенія на письмѣ судныхъ рѣчей, произносимыхъ тяжущимися, а также содержанія изустныхъ показаній подсудимыхъ, свидѣтелей и другихъ, при уголовномъ судѣ, представится необходимымъ имѣть въ судахъ опытныхъ скорописцевъ, стенографовъ»².

После объявленнаго в начале февраля 1864 г. правительством России конкурса на лучшее руководство по стенографии в применении к русскому языку в печати разгорелась полемика между последователями трех стенографических систем, созданных М. И. Иваниным (1801–1874), Ф. К. Габельсбергером (1789–1849) и В. Штольце (1798–1867).

М. И. Иванин — создатель первой русской стенографической системы (1858 г.) (см.: [Иванин]). Она была геометральной (ее стенографические знаки созданы из круга, полукруга, точки и прямой) и впервые публично использовалась 31 марта 1860 г. для записи знаменитого диспута между академиком М. П. Погодиным и профессором Н. И. Костомаровым о происхождении Руси. Однако система Иванина не получила такого широкого применения в России, как адаптированные для русского языка немецкие системы Ф. К. Габельсбергера и В. Штольце.

В основе стенографической системы, которой владела жена Достоевского, — система Франца Ксавера Габельсбергера, которого за открытие графической, курсивной системы стенографии называли «гением Баварии»:

«Основное положеніе Габельсбергера состоитъ въ томъ, что письменные знаки, служа для изображенія звуковъ, должны производить на нашъ глазъ впечатлѣніе, подобное тому, которое производятъ на нашъ слухъ самые звуки, и кромѣ того напоминать самымъ видомъ своимъ происхожденіе звуковъ; такимъ образомъ для распредѣленія знаковъ принято два основанія: акустическое и фізіологическое» [Ершов: 62].

В отличие от геометральной системы, стенографические знаки Габельсбергера состоят из частей письменных букв и «пишутся, какъ и въ обыкновенномъ письмѣ, по преимуществу сверху внизъ и притомъ въ косвенномъ направленіи справа на лѣво» [Ершов: 7]. Над своим трудом «Введение в немецкую речепись или стенографию» («Anleitung zur deutschen Redezeichenkunst») он работал с 1817 по 1834 гг. В дальнейшем система Габельсбергера была адаптирована ко многим языкам и распространена в разных странах: Австралии, Польше, Венгрии, Дании, Румынии, Болгарии, Финляндии, Швеции, Греции, Сербии, Италии, Испании, России³.

В России существовали две разработки системы Габельсбергера. Одна из них была сделана бароном *Николаем Егоровичем Торнау* (1812–1882) и профессором *Юлиусом Вольдемаром Цейбихом* (1819–1905)⁴, действительным членом Королевского саксонского стенографического института в Дрездене. Другая — *Павлом Матвеевичем Ольхиным* (1830–1915). Ольхин не разделял

воззрений Цейбиха и Торнау относительно значения системы Габельсбергера как универсальной и заявлял, что заимствовал «у школы Габельсбергера лишь общеприложимыя основанія и разработалъ русскую стенографію <...> совершенно самостоятельно, опираясь на выводы изъ подробныхъ изслѣдованій русскаго языка» [Ольхин: 21]. По свидетельству специалиста по истории русской стенографии Н. А. Ершова, «разработка Ольхина представляется болѣе тщательной», хотя обе системы сходны «въ главныхъ чертахъ» (в том числе имеют сходную азбуку и, соответственно, многие слова пишутся одинаково) и различаются «только въ подробностяхъ» [Ершов: 61].

Учебное пособие Ольхина «Руководство к русской стенографии по началам Габельсбергера» выдержало 3 издания: в 1866, 1869 и 1874 гг. Согласно Л. П. Гроссману, третье из них имелось в библиотеке семьи Достоевских [Гроссман: 47]. Эта книга хранилась там не случайно: благодаря искусству скорописи писатель и стенографистка познакомились, а затем создали семью. Достоевский был одним из первых писателей в России, применивших стенографию в своей литературной деятельности, а в профессиональном образовании Анны Григорьевны ключевую роль сыграли первые в России публичные курсы скорописи под руководством П. М. Ольхина. А. Г. Сниткина (впоследствии — Достоевская) прошла полугодовое обучение стенографии (с апреля по октябрь 1866 г.) на курсах при 6-й Санкт-Петербургской гимназии у П. М. Ольхина. Вследствие индивидуального подхода педагога к обучению старательной девушки, а также усердию и настойчивости ученицы в освоении непростого искусства скорописи она стала одной из 6 женщин, которые «оказали довольно значительные успехи» к окончанию курсов⁵. Спустя годы Анна Григорьевна вспоминала о своей стенографической подготовке у Ольхина:

«Сначала стенография мне решительно не удалась и после пятой или шестой лекции я пришла к убеждению, что это для меня тарабарская грамота, которую мне ни за что не осилить. <...> добрый П. М. Ольхин, узнав о моем горе <смерти отца> и пропуске мною многих уроков, предложил заменить их стенографическою с ним перепиской. Два раза в неделю я должна была посылать ему две или три страницы определенной книги, написанные мною стенографически. Ольхин возвращал мне стенограммы, исправив замеченные им ошибки. Благодаря этой переписке, длившейся в течение трех летних месяцев, я очень успела в стенографии, тем более что мой брат, приехавший на каникулы, диктовал мне ежедневно по часу и более, так что я мало-помалу усвоила, кроме правильности стенографического письма, и скорость его. Вот почему, когда в сентябре 1866 года вновь открылись курсы, я оказалась единственною ученицею Ольхина, которую он с доверием мог рекомендовать для литературной работы» [Достоевская: 103–104].

Судя по отчетным документам П. М. Ольхина, из 300 лиц, присутствовавших в двух первых группах курсов при 6-й гимназии в Санкт-Петербурге, только 30 человек (24 мужчины и 6 женщин) их успешно закончили⁶. Как выяснилось, кроме хорошего знания родного языка, стенографу требуется немало терпения, стараний и времени, чтобы овладеть искусством скорописи, а в дальнейшем — необходима постоянная практика для поддержания достигнутого уровня.

На необходимость постоянной практики для стенографов указывала и А. Г. Достоевская. Вспоминая время «медового месяца», она так описывала свои переживания:

«Раздражало меня и то, что, благодаря постоянному присутствию гостей, я <...> не занималась регулярно стенографией, которую я хотела изучить до тонкости» [Достоевская: 169].

Супруга не только была непосредственным участником творческого процесса мужа, но и предполагала зарабатывать деньги с помощью стенографии:

«Раздумывая о нашем бедственном материальном положении, я стала мечтать о том, как бы увеличить наши доходы собственным трудом и вновь начать заниматься стенографией, в которой за последние годы я сделала значительные успехи» [Достоевская: 290].

Однако за всю жизнь с Достоевским Анна Григорьевна только однажды предприняла попытку найти себе работу стенографистки. Среди ее документов сохранилось свидетельство об изучении стенографии, подписанное Ольхиным не в 1866 г., а 1 мая 1872 г. Вероятно, оно было выдано жене писателя по ее просьбе для предоставления будущим работодателям:

Свидѣтельство.

Симъ свидѣтельствую, что жена подпоручика, Анна Григорьевна Достоевская, съ полнымъ успѣхомъ изучила стенографію, преподаваемую по моей системѣ.

*Павель Ольхинъ,
Преподаватель стенографіи при шестой
С. Петербургской гимназій.*

1го мая, 1872 года.⁷

Именно в 1872 г. ей предложили вести стенографические записи на съезде сельских хозяев в Польше («г. Новой Александріи или Ломжѣ»⁸), но ревность мужа расстроила ее планы (см. «К воспоминаниям 1872 года. Моя предполагаемая поездка на съезд» [Достоевская: 290–293]). На этом завершились для Анны Григорьевны поиски самостоятельной работы — до конца жизни

Достоевского она была только его литературной сотрудницей. В записывании его произведений рос ее профессиональный уровень стенографистки.

Настоящие стенографы — это уникальные специалисты, чья работа похожа на работу синхронных переводчиков. Кроме необходимости успеть записать произнесенную оратором речь, нужно еще расшифровать и отредактировать текст, «перевести» устную речь в письменную. Требуется сделать это столь искусно, чтобы сам оратор подтвердил, что именно это он и говорил. Именно такой стенографисткой была литературная сотрудница писателя, превосходная квалификация которой подтверждена произведениями, созданными Достоевским с ее помощью: роман «Игрок» (1866), шестая часть и эпилог «Преступления и наказания» (ноябрь и декабрь 1866 г.), романы «Идиот» (1868), «Бесы» (1871–1872), статьи, фельетоны и рассказы в еженедельнике «Гражданин» (1873–1874), «Подросток» (1875), «Братья Карамазовы» (1879–1880) и «Дневник Писателя» (1876, 1877, 1880, 1881).

Самый ранний документ, характеризующий стенографическую систему А. Г. Достоевской, — ее заграничный дневник 1867 г. Одной из причин, побудивших жену писателя вести дневник в стенографической форме, стала необходимость ежедневной практики и усовершенствования искусства скоростного письма. Дневник Анны Григорьевны — это ее засекреченные даже от мужа, исключительные по своей подробности записи о семейной и творческой жизни супругов Достоевских в Европе в 1867–1868 гг. Это монолог 20-летней девушки, обращенный к себе, в расчете на собственное прочитывание в будущем, подневные записи пережитого и прочувствованного, попытка научиться понимать мужа — знаменитого писателя. Несомненно, дневнику принадлежит бóльшая достоверность, чем литературным воспоминаниям 70-летней вдовы Достоевского, готовившимся для читателя, когда у самой мемуаристки окончательно оформился взгляд на его личность, что и определило отбор фактов для текста воспоминаний.

Дневник жены писателя состоял из нескольких записных книжек, испианных стенографическими знаками. Вопрос о количестве стенографических книжек, вошедших в состав дневника Анны Григорьевны, до конца остается неразрешенным. В настоящее время принято считать, вслед за С. В. Житомирской и Ц. М. Пошеманской, что их было четыре. Первую и вторую (стенографический оригинал которой не сохранился) вдова писателя последовательно расшифровывала и редактировала начиная с 1894 г., затем «несколько раз прерывала работу, а зимой 1911–12 г. совсем ее оставила» [Житомирская, 1993: 396]. Третья книжка была расшифрована Ц. М. Пошеманской и вошла в публикацию полного текста дневника в 1993 г.⁹ Четвертая же, предположительно существовавшая, не обнаружена (см. подробнее: [Житомирская, 1993: 396–397]). Отметим, что в литературе, посвященной Достоевским, плохо разграничиваются понятия «записной книжки» и «тетради» — это относится к рукописям и Федора Михайловича, и Анны Григорьевны. Стенографические материалы жены писателя мы называем

«записными книжками», учитывая их узкий, карманный формат (см. *Приложение. Илл. 4*).

Дневник молодой жены Достоевского не задумывался изначально как литературное произведение, рассчитанное на публикацию и гласность. В последние годы жизни Анна Григорьевна, ставшая уже вдовой, осознала ценность этих стенографических записей и взялась за работу по их расшифровке:

«Перечитывая записные книжки мужа и свои собственные, я находила в них такие интересные подробности, что невольно хотелось записать их уже не стенографически, как они были у меня записаны, а общепонятным языком, тем более что я была уверена, что моими записями заинтересуются мои дети, внуки, а может быть, и некоторые поклонники таланта моего незабвенного мужа, желающие узнать, каким был Федор Михайлович в своей семейной обстановке» [Достоевская: 42–43].

Решиться на дешифровку стенографических записей, пусть и собственных, спустя почти 30 лет со времени их написания, — это подвигнуть себя на серьезный и продолжительный труд. Чтение стенографических записей даже для их автора равносильно разгадыванию ребуса, это работа кратковременной памяти, чтение контекста, бóльшая часть которого с годами забывается. Принцип работы любого профессионального стенографа: сразу после записывания где-то уединиться и, пока свежи воспоминания, расшифровать свои записи. Если же написанное отложить на несколько дней, а тем более на десятилетия, как в случае с Анной Григорьевной, то разобрать его будет заметно сложнее, какую-то часть информации не удастся прочитать вообще. Не случайно в стенографическом дневнике остались места, не разобранные даже такой опытной стенографисткой, как А. Г. Достоевская. Расшифровка стенографических записей спустя 27–30 лет со времени их создания отнимала много времени у вдовы, до конца жизни ведущей обширную деятельность по сохранению памяти о Достоевском, поэтому она несколько раз прерывала ее и, наконец, совсем оставила, не доведя до конца.

Вероятно, первоначально Анна Григорьевна имела намерение опубликовать расшифрованный ею дневник или хотя бы сохранить для потомства в таком виде, который отвечал бы ее требованиям. Во всяком случае, она не просто расшифровывала, но и редактировала. Нами насчитано свыше 1500 исправлений, внесенных ею в текст 1-й книжки дневника. По большей части, это литературное редактирование. Наиболее важные смысловые изменения, касавшиеся личности Достоевского, его идейных позиций, его отношения к известным современникам, особенностей его характера и поведения были проанализированы С. В. Житомирской [Житомирская, 1973, 1993].

Жена писателя остановилась в расшифровке дневника на тексте от 12 (24) августа 1867 г., относящемся к пребыванию их семьи в Базеле, и оставила завещательное распоряжение:

«О тетрадяхъ записанныхъ мною стенографически.

Въ числѣ оставшихся послѣ меня тетрадей найдутся двѣ-три-четыре¹⁾, исписанныя²⁾ стенографическими знаками. Въ этихъ тетрадяхъ заключа-ется Дневникъ, который я вела съ выѣзда нашего за границу въ 1867³⁾, въ теченіи полутора года. Часть Дневника была мною переписана года два тому назадъ (та тетрадь, которая находится въ несгораемомъ ящикѣ въ Музей). Остальныя тетради я прошу⁴⁾ уничтожить, т. к. врядъ ли найдется лицо, которое могло-бы перевести съ стенографическаго на обыкновенное письмо. Я дѣлала большія сокращенія, мною придуманныя, а слѣдовательно лицо переписывающее всегда можетъ ошибиться и списать неправильно. Это во первыхъ. Во вторыхъ, мнѣ вовсе бы не⁵⁾ хотѣлось, чтобъ чужіе люди про-никали въ нашу съ Э. М. семейную интимную жизнь. А потому настоя-тельно прошу уничтожить всѣ стенографическія тетради»¹⁰⁾.

Предостережения Анны Григорьевны, изложенные в ее завещании, не были беспочвенными. Опытные стенографистки, которым была предложе-на расшифровка бумаг жены Достоевского, по словам Ц. М. Пошеманской, «отказались взяться за эту работу», считая ее «непосильной»¹¹⁾.

Почему специалисты в стенографии не посчитали возможным разобрать скоропись А. Г. Достоевской? Выделим три основные причины этого.

Первая из них связана с историей развития стенографии в России. Мно-гочисленные стенографические системы существовали здесь на равных началах, обладали своими преимуществами и недостатками, каждая из них имела своих последователей, но ни одна не была признана правительствен-ною. Однако самыми распространенными признавались адаптированные для русского языка немецкие системы Габельсбергера и Штольце. Это про-должалось до введения 10 июня 1933 г. Государственной единой системы стенографии (ГЕСС), в основу которой была положена совершенно не по-хожая на немецкие система Н. Н. Соколова¹²⁾. Курсивный тип — это един-ственное, что объединяет ее с системой Габельсбергера, также состоящей из элементов букв обычного письма с наклоном вправо. ГЕСС вытеснила дру-гие русскоязычные стенографические системы и стала самой популярной вплоть до наших дней. Именно ей владело большинство профессиональных стенографисток, считавших расшифровку стенограмм, написанных по другой системе, делом малореальным.

Освоение чужой стенографической системы — дело трудозатратное, требующее ежедневной практики. Это вторая причина, по которой стено-

¹⁾ четыре вписано.

²⁾ Первоначальный незачеркнутый вариант: *написанныя*

³⁾ въ 1867 вписано.

⁴⁾ Подчеркнуто дважды.

⁵⁾ Подчеркнуто трижды.

граммы А. Г. Достоевской долго не поддавались прочтению. К тому же, как отмечал Н. А. Ершов, система Габельсбергера, лежащая в основе личной стенографической системы Достоевской, «принадлежит къ числу наиболѣ сложныхъ и запутанныхъ» [Ершов: 61]. Свой тезис он объяснил следующими ее особенностями: «множество частныхъ правилъ, при отсутствіи строгой послѣдовательности»; «чрезмѣрное разнообразіе знаковъ по величинѣ» (тогда как «на практикѣ нѣтъ возможности точно наблюдать, во сколько разъ одинъ знакъ длиннѣе другого») [Ершов: 61, 66]. Сюда следует добавить наши наблюдения над стенографической системой Габельсбергера-Ольхина-Достоевской: это большое число омографов — слов, одинаковых по написанию, но разных по произношению и значению; а также то, что некоторые гласные, согласные, буквенные сочетания и слова могут писаться двумя способами.

И наконец, третья причина, добавляющая трудности при расшифровке стенограмм жены писателя. Стенографическое письмо лично — стенограмму, в общем случае, может разобрать только тот, кто ее выполнил. Своя «система в системе» есть у каждой стенографистки. Как и любой стенограф, А. Г. Достоевская делала только ей понятные логические сокращения, и с ее возраставшим опытом в стенографировании этих сокращений становилось все больше.

Подтверждая сложность расшифровки чужих стенограмм, в одном из интервью 1970-го года стенографистка Ц. М. Пошеманская воскликнула: «Вы, наверное, думаете, что мы, стенографистки, можем читать записи друг друга? Нет, в том-то и дело! Даже при условии, что мы работаем по одной системе. А знаете, сколько систем в русской стенографии было за время ее существования — примерно за два века? Сто двадцать четыре!»¹³. Однако в конце 1950-х — начале 1970-х гг. именно ей удалось расшифровать первую и третью тетради стенографического дневника жены Достоевского.

Причины такого нарушения авторского запрета, изложенного в упомянутом завещании, исследователь С. В. Белов, автор книг и статей, посвященных деятельности Достоевской, объясняет так:

«В интервью различным корреспондентам Анна Григорьевна не настаивает на уничтожении стенографических тетрадей 1867 г.; да она и сама этого не сделала, зная, что ни у одного писателя мира нет такого соответствия между личной жизнью и произведениями» [Последняя любовь...: 24].

В поисках «ключа» к стенографическим записям Достоевской Ц. М. Пошеманская проделала настоящую исследовательскую работу, которая в газете «Известия» (№ 130, 3 июня 1959 г.) была охарактеризована как «подвиг стенографистки». Сама ленинградская стенографистка признавалась журналистке Н. Гречук, что труд по расшифровке дневника А. Г. Достоевской и других стенографических записей был «каторжным»¹⁴.

Найдя в Публичной библиотеке в Москве учебник П. М. Ольхина «Руководство к русской стенографии по началам Габельсбергера» 1866 года издания, она переписала его от руки и внимательно изучила: «Я <...> училась стенографии заново, по чужой для меня системе»¹⁵. Но, учитывая то, что Анна Григорьевна часто применяла свои сокращения и знаки, для расшифровки ее стенограмм оказалось недостаточно только изучить учебник.

Пошеманской пришлось сравнить расшифрованную (и к тому времени опубликованную) часть дневника со стенографическими книжками и составить список личных сокращений Достоевской. В итоге она выяснила, что одна из них соответствует первой из двух расшифрованных Анной Григорьевной книжек дневника. Найдя «ключ» к стенографической системе жены писателя, Пошеманская расшифровала и первую, и третью книжку — неизвестную до того времени.

Подробных описаний своей работы по разбору стенограмм А. Г. Достоевской Пошеманская не оставила ни в интервью, ни в научных статьях. Однако личным опытом расшифровки она делилась в письмах к В. М. Федоровой, сотруднице отдела рукописей Публичной библиотеки им. Ленина. Так, в письме от 3 апреля 1957 г. Пошеманская отмечала: «...только при тщательном изучении написания отдельных слов А<нны> Г<ригорьевны>, привыкая к ее почерку, находя аналогичное написание того же слова в другом материале, можно подтвердить правильность расшифровки трудно поддающихся расшифровке слов»¹⁶. В письме от 6 января 1958 г. она раскрыла свой метод работы со второй из сохранившихся (по порядку книжек дневника — третьей) стенографической книжкой:

«2 января <1958> я открыла первую страничку Дневника и упала духом, увидев едва обозначенные карандашные бисерные знаки в записной книжке, и даже подумала, не безрассудно ли было с моей стороны братья за это?

Однако понемногу стали вырисовываться слова и складываться фразы. Я стала читать, правда, с пропусками отдельных, пока не прочитанных, слов. <...>

Метод моей работы такой:

1) Чтение стенографической записи и дословная расшифровка от руки в тетрадь.

2) <...> сличение записей, содержащихся во второй записной книжке, с соответствующими записями опубликованного в 1923 г. «Дневника А. Г. Достоевской».

3) <...> перепечатка расшифрованного материала на машинке (с пропусками отдельных непрочитанных слов).

4) После перепечатки сверить со стенографической записью, по возможности останавливаясь на пропусках и пытаться прочесть не прочитанные еще слова.

5) Окончательная перепечатка всего материала»¹⁷.

В Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки хранятся машинописные страницы расшифровок стенографического дневника, набранные Ц. М. Пошеманской¹⁸ (см. Приложение. Илл. 5). На них отражен творческий процесс расшифровки:

а) оформлены сноски, в которых обозначено то, что разобрано предположительно (напр., «вроде Алины Милюковой» — «Имя и фамилия разобраны предположительно»)¹⁹;

б) отмечены разные варианты прочтения (напр., «сумеет» — «может быть прочитано как “сможет”»; «ходили» — «может быть прочитано как “хотели”»)²⁰;

в) указано количество неразобранных слов; поверх машинописи сделаны исправления (напр., было в машинописи: «Потом он сел писать о», далее вписано чернилами «О бонапартизме», зачеркнуто и исправлено на «О Белинском»²¹);

д) сделаны вставки черными и синими чернилами.

С одной стороны, эти машинописные страницы Ц. М. Пошеманской доказывают масштабность, кропотливость и сложность проделанного ленинградской стенографисткой труда. С другой, свидетельствуют о том, что ее расшифровки требуют критического анализа и проверки.

В 2017 г., рассмотрев историю становления стенографических систем в России, мы приступили к исследованию стенограмм А. Г. Достоевской. Методика работы с ними, разработанная Пошеманской в 1950-х гг., оказалась на практике самой эффективной. Она основывается на трех «китах»: изучении руководства по стенографии Габельсбергера-Ольхина, сопоставлении стенограмм А. Г. Достоевской и сделанных ею расшифровок и создании словаря сокращений жены писателя.

Обозначим основные особенности 1-й стенографической книжки А. Г. Достоевской, которая хранится в НИОР РГБ (ф. 93.III.5.156). Она, несомненно, дает большой материал для изучения стенографической системы Анны Григорьевны и поиска «ключа» к расшифровке ее более поздних стенограмм, потому что записи в ней выполнены с прилежностью лучшей ученицы курсов Ольхина.

Судя по типографскому тексту «debit-credit» в верхней части листов, эта записная книжка в коленкоровом переплете изначально предназначалась для бухгалтерских подсчетов (см. Приложение. Илл. 3). В нее входят записи от 14 апреля до 9 (21) июня 1867 г. Первая записная книжка состоит из 118 листов (что в постраничной нумерации соответствует 236 страницам). Рукой автора пронумеровано 225 страниц, исписанных стенографическими знаками. Остальные страницы (около 10) не пронумерованы, часть из них — чистые, другие — заняты записями, не относящимися к тексту дневника и сделанными обычным письмом вперемежку со стенографическими знаками.

Анна Григорьевна разлиновала карандашом листы первой книжки (тогда как в другой (3-й) книжке подобной разлиновки уже нет). Это удобно для скоростного письма, т. к. рука начинающего стенографа должна привыкнуть

выписывать в одну линию знаки разной высоты — так называемые мерные, полумерные, малые и длинные. Различение высоты знака особенно важно при расшифровке стенограммы. Лишь только «когда пишущий приобрел достаточно навыка <...> можно писать и без линеек» [Ольхин, 1866: 22].

Стенографические записи Анны Григорьевны сделаны остро отточенным карандашом — с помощью этого пишущего инструмента она могла достичь большей скорости. Кроме того, стенограмму, написанную карандашом, можно без проблем «подчищать», исправляя возможные ошибки и описки. В первой записной книжке начинающей стенографистки присутствует значительное количество исправлений и зачеркиваний, составляющих от нескольких знаков до нескольких строчек. Для сравнения: в другой из сохранившихся (3-й) книжке они практически отсутствуют.

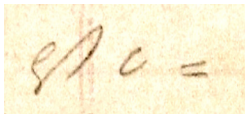
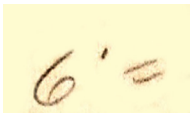
На начальных (первых 5-ти) листах первой книжки встречаются слова, сделанные обычным письмом, без применения скорописи. Это, как правило, имена собственные («Большая улица», фамилии «Ган» и «Барсов», «Георгиевская площадь», «Пропилеи», «Гольбейн», «Брюллева терраса», имена собственные на немецком языке), сокращать которые начинающая стенографистка не решалась, рискуя впоследствии при расшифровке их не разобрать.

Начиная с середины первой книжки она стала записывать стенографически и имена собственные, но при этом выделяя их подчеркиванием (что было рекомендовано и в учебнике Ольхина). Так, например, на л. 25 (стр. 47)²² в записи, относящейся к 15 (3) мая 1867 г. подчеркнуты имя и фамилия автора книги «Сергиевские серные воды» Марии Ростовской, записанные стенографически. Аналогичное выделение имен собственных, записанных скорописью, встречается и на л. 27 (стр. 51) (фамилия «Брылкина»), л. 28 об. (стр. 54) (названия романов — «Бедные дворяне» Потехина и «В ожидании лучшего» Крестовской), на л. 37 об. (стр. 72) подчеркнут стенографический знак, обозначающий фамилию «Степанов» и т. д. Однако с возрастанием ее опыта в стенографическом письме, А. Г. Достоевская в дальнейших своих записях в другой (3-й) книжке подчеркивает имена собственные значительно реже, чем она делала это в первой.

Любопытно, что есть и другие случаи выделения Анной Григорьевной слов (словосочетаний). Так, на л. 73 об. (стр. 144) (10-я строка сверху) во фразе «он сегодня меня очень любит и называет меня своей маленькой, крошечкой» подчеркнуты два стенографических знака, относящиеся к словам «маленькой», «крошечкой», разделенных запятой.

Повторяющиеся в устойчивых сочетаниях слова стенографистка заменяет знаком равенства (это правило характерно для многих стенографических систем). Таким образом она записывала выражения: «душа в душу» (см., напр.: л. 37 об. (стр. 72) 9-я строка сверху), «просто-напросто» (см., напр.: л. 21 об. (стр. 40) 2-я строка сверху).

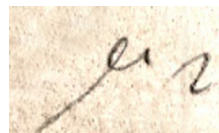
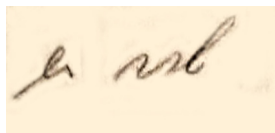
пример написания словосочетания

«душа в душу» (фрагмент л. 37 об.)	«просто-напросто» (фрагмент л. 21 об.)
	

Отдельно следует описать *самословы* Анны Григорьевны. «Самословы» — термин, придуманный П. М. Ольхиным для условных знаков, с помощью которых записываются общеупотребимые и часто встречающиеся в речи слова. Часть из них Достоевская выучила на стенографических курсах Ольхина, остальные — придумала самостоятельно. Все самословы делятся на простые и сложные. К простым самословам относятся знаки, закрепленные за определенными словами (напр., так пишутся слова «множество», «вместо», «кое-как» и др.). Но есть сложные самословы, используемые для вводных сочетаний и наречных выражений (напр., «по крайней мере», «таким образом», «тем не менее», «во все время», «друг с другом» и др.) (см. Приложение, табл.).

Стенографическая система Анны Григорьевны развивалась, появлялись новые, максимальные сокращения слов. Это привело к тому, что среди ее стенографических записей встречаются разные написания одних и тех же слов. К примеру, слово «женщины», написанное в начале первой стенографической книжки более подробным набором знаков, впоследствии сокращается до знака, содержащего всего две смысловоразличительные буквы «ж» и «н». Имя и отчество своего супруга Анна Григорьевна тоже записывала по-разному. Так, на л. 11 об. (стр. 20) (1-я строка снизу) его имя записано более пространном знаком. На л. 4 об. (стр. 6) (11-я строка сверху) встречается более короткая запись, сокращающая передачу отчества до одного смысловоразличительного знака, в стенографическом письме обозначающего букву «м».

пример написания имени и отчества «Федор Михайлович»
(фрагмент л. 11 об.)

Некоторые стенографические записи первой книжки дневника А. Г. Достоевской выделены снизу отточием. По всей видимости, такое выделение

появилось не сразу, при записывании женой писателя событий проходящего дня, а спустя время, в процессе расшифровки: так она могла отметить те места, в прочтении которых затруднялась. Для примера: на л. 43 об. (стр. 84) один из знаков на 3-й строке сверху, выделенный отточием, в расшифровке Анны Григорьевны остался неразобраным — на его месте сделан пропуск в рукописи. Ц. М. Пошеманская прочитала это слово как «цыганка», что вполне соответствует контексту записей: на этой странице Анна Григорьевна описывает свои впечатления от увиденной постановки оперы Дж. Верди «Трубадур», где главная героиня — цыганка Азучена. Или: на л. 26 (стр. 49) (2-я строка снизу) анализируемой записной книжки отточием выделены два стенографических знака, связанных с записью о чтении Анной Григорьевной газетной заметки о погребении генерала Каменского. Эти знаки не разобраны ни Анной Григорьевной, ни, вслед за ней, Ц. М. Пошеманской: прочтение затруднено слишком большим усечением этих знаков. По нашему предположению, их значение может быть таковым: «<одного?> <русского?> графа».

Исследовав первую записную книжку дневника жены писателя, мы рассмотрели только основные случаи, характерные для стенографической системы А. Г. Достоевской. Очевидно, что не все записи спустя 150 лет со времени их создания поддаются полной расшифровке. Система Габельсбергера-Ольхина не используется с 1930-х гг. и сегодня полностью забыта. Кроме того, среди стенографических записей Анны Григорьевны встречается большое число логических сокращений-«самословов», часть которых спустя 27-30 лет не смогла расшифровать даже сама стенографистка Достоевского. Однако, учитывая то, что ряд прочтений первой книжки дневника был нами уточнен, необходим дальнейший критический анализ всех стенограмм жены писателя, особенно разобранных предположительно и не разобранных совсем. У нас есть важное подспорье в этом сложном деле — возможность воспользоваться трудами А. Г. Достоевской и Ц. М. Пошеманской.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект «Стенографические записи А. Г. Достоевской: Новые материалы и исследования», № 17-34-01075-ОГН а2.

** Авторы статьи выражают глубокую признательность сотрудникам Государственного архива Российской Федерации Ф. И. Мелентьеву, Н. С. Зелову и Л. И. Кулагину за подготовку и предоставление ксерокопий писем Ц. М. Пошеманской к В. М. Федоровой.

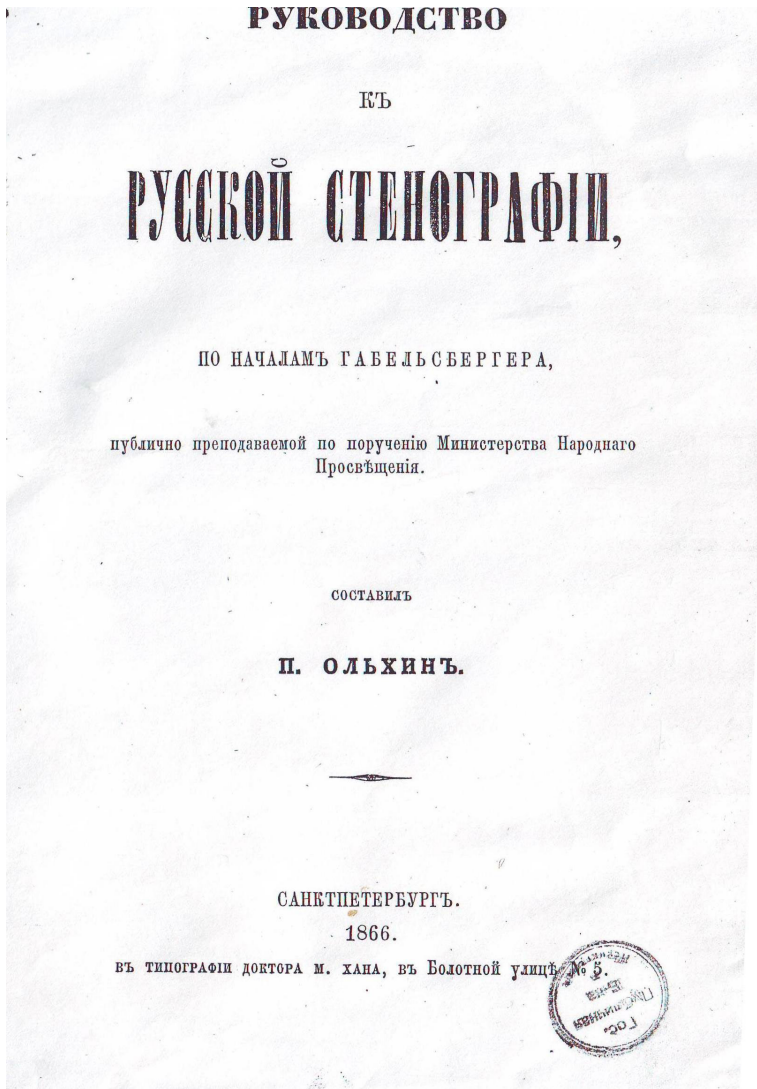
¹ Полный перечень сохранившихся стенограмм А. Г. Достоевской см.: [Андрианова: 177].

² Свѣдѣнія о ходѣ работъ по введенію въ дѣйствіе судебной реформы // Журналъ Министерства Юстиціи. 1865. Ноябрь. С. 257. Цит. по: [Ершов: 30].

³ См. об истории стенографии в Германии и Ф. К. Габельсбергер: Jorge Bravo, Azat Ambartsoumian and Diana Campi. The history of shorthand in Germany // International

- Federation for Information and Communication Processing Intersteno. E-news 80. June 2017. С. 10-16 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intersteno.ru/images/enews80.pdf>.
- 4 Цейбих Ю. В., Торнау Н. Е. Русская стенография. Дрезден: Тип. Э. Блохман и сына, 1863 (1-е изд.) и 1864 (2-е изд.). Их продолжателями были Ф. П. Темников и И. А. Устинов.
  - 5 Свѣдѣнія о ходѣ работъ по введенію въ дѣйствіе судебной реформы // Журналъ Министерства Юстиціи. 1865. Ноябрь. С. 653.
  - 6 Там же.
  - 7 РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30464. Л. 3.
  - 8 Достоевская А. Г. Воспоминания. Черновая редакция главы VII «Ревность Федора Михайловича» // РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29596. Л. 1.
  - 9 Достоевская А. Г. Дневник 1867 года / изд. подгот. С. В. Житомирская. М.: Наука, 1993. 454 с.
  - 10 Достоевская А. Г. Записная тетрадь с заголовком: «Объяснения домашних дел и указания, сделанные А. Г. Достоевской на случай ее смерти или тяжелой болезни, в марте 1902 года и в последующие годы» (1902–1911) // РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Д. 224. Л. 47.
  - 11 «Для меня — самая интересная!» (воскресный гость «Смены» — стенографистка Цецилия Мироновна Пошеманская) (беседу вела Н. Гречук) // Смена. 1970. № 302 (27 декабря). С. 2.
  - 12 См. о системе Н. Н. Соколова и ее создателе, напр.: [Власов], [Соколов] и др.
  - 13 «Для меня — самая интересная!»... С. 2.
  - 14 Там же.
  - 15 Там же.
  - 16 Пошеманская Ц. М. Письмо к В. М. Федоровой. От 3 апреля 1957 г. // ГАРФ. Ф. 10239. Оп. 1. Д. 202. Л. 1 (письмо в машинописном виде).
  - 17 Пошеманская Ц. М. Письмо к В. М. Федоровой. От 6 января 1958 г. // ГАРФ. Ф. 10239. Оп. 1. Д. 202. Л. 7 (письмо в машинописном виде).
  - 18 НИОР РГБ. Ф. 93. III. 5. 15в. 155 л. и ф. 93. III. 5. 15г. 188 л.
  - 19 Машинопись расшифрованного дневника А. Г. Достоевской (август–декабрь 1867 г.) // НИОР РГБ. Ф. 93. III. 5. 15в. Л. 5.
  - 20 Там же. Л. 1, 45.
  - 21 Там же. Л. 3.
  - 22 Здесь и далее архивная пагинация обозначена указанием номера листа, пагинация А. Г. Достоевской — номера страницы.

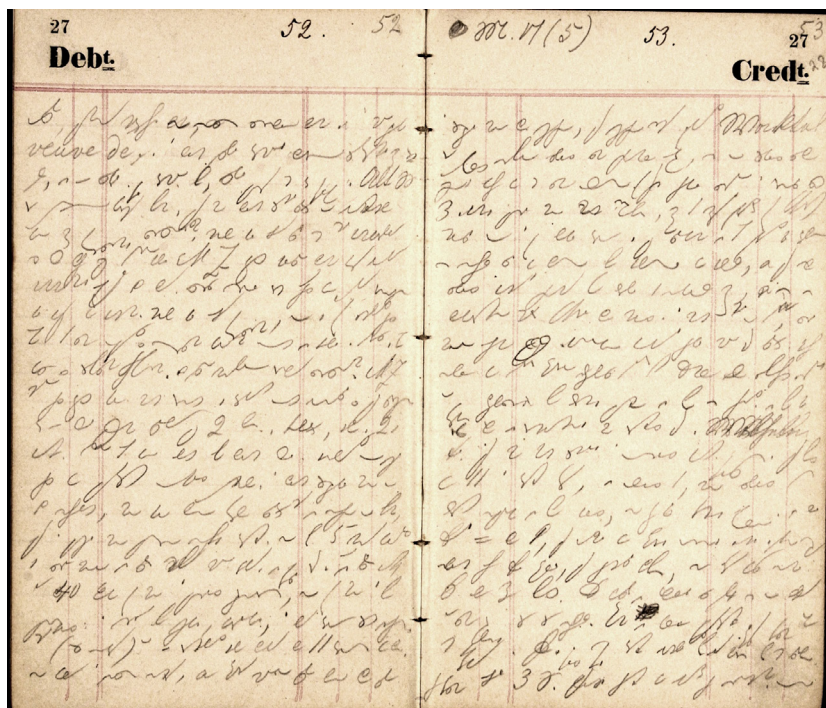
ПРИЛОЖЕНИЕ

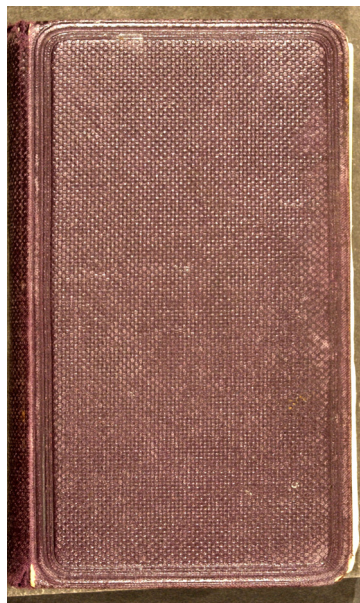
Илл. 1. Титульный лист учебника по русской стенографии
П. М. Ольхина (1866)

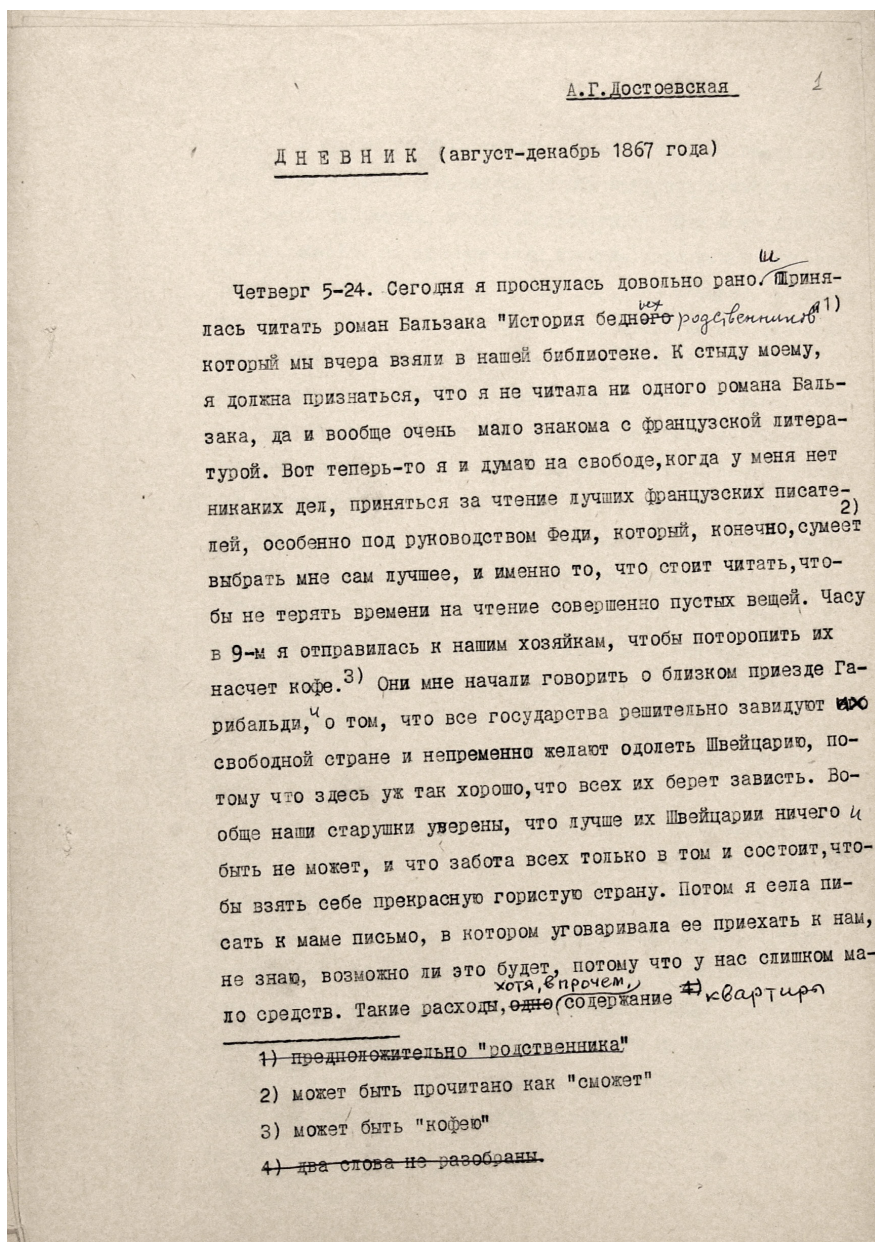

Илл. 3. Страницы из 1-й книжки дневника А. Г. Достоевской

Илл. 4. Обложка 1-й записной книжки стенографического дневника А. Г. Достоевской

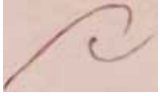

Илл. 5. Текст расшифровки дневника А. Г. Достоевской
(машинопись Ц. М. Пошеманской)

СЛОЖНЫЕ САМОСЛОВЫ А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

по крайней мере

таким образом

по обыкновению

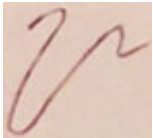
тем не менее

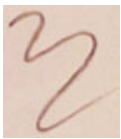
все время

каждый раз

мало-по-малу

между прочим

может быть

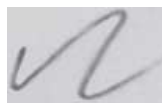
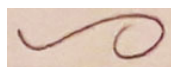

всякая всячина

как только

ПРОСТЫЕ САМОСЛОВЫ А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

*множество**вместо**именно**наконец**особенно**кое-как*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрианова И. С. «Искусство высокое»: Достоевский и стенография // *Неизвестный Достоевский*. — 2017. — № 4. — С. 164–181 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1516626605.pdf (20.02.2018).
2. Власов Д. Стенография и ее рыцарь // *Наука и жизнь*. — 2007. — № 9. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/11603/> (20.02.2018).
3. Гиппиев М. Б., Жуков А. В., Рогов А. А., Скабин А. В. Распознавание строк в стенографических документах // *Современные проблемы науки и образования*. — 2013. — № 4 [Электронный ресурс]. — URL: www.science-education.ru/110-9725 (20.02.2018).
4. Гиппиев М. Б., Рогов А. А. Классификация символов в стенографических документах на основные, надстрочные и подстрочные // *Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер.: Физико-математические науки*. — 2014. — Декабрь. — № 8. — Т. 2. — С. 115–118 [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/klassifikatsiya-simvolov-v-stenograficheskikh-dokumentah-na-osnovnye-nadstrochnye-i-podstrochnye> (20.02.2018).
5. Гиппиев М. Б., Рогов А. А. Экспериментальное сравнение алгоритмов классификации символов в стенографических документах // *Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер.: Физико-математические науки*. — 2015. — Июнь. — № 4. — С. 115–120 [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/eksperimentalnoe-sravnenie-algoritmov-klassifikatsii-simvolov-v-stenograficheskikh-dokumentah> (20.02.2018).

6. Гроссман Л. П. Семинарий по Достоевскому: материалы, библиография и комментарии. — М.; Пг.: Гос. изд-во, 1922. — 120 с.
7. Достоевская А. Г. Воспоминания. 1846–1917 / вступ. ст., подгот. текста, примеч. И. С. Андриановой и Б. Н. Тихомирова. — М.: Бослен, 2015. — 768 с.
8. Ершов Н. А. Обзор русских стенографических систем. — СПб.: ред. журн. «Пед. музей», 1880. — [2], II, 144, [2], 14 с.
9. Житомирская С. В. Расшифрованный дневник А. Г. Достоевской // Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. — М.: Наука, 1973. — С. 155–166. (Литературное наследство; Т. 86)
10. Житомирская С. В. Дневник А. Г. Достоевской как историко-литературный источник // Достоевская А. Г. Дневник 1867 года. — М.: Наука, 1993. — С. 391–422.
11. Иванин М. О стенографии или искусстве скорописи, в применении ее к русскому языку. — СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1858. — 35 с.
12. Ольхин П. М. Руководство к русской стенографии, по началам Габельсбергера, публично преподаваемой по поручению Министерства народного просвещения. — СПб.: Тип. д-ра М. Хана, 1866. — 183 с.
13. Последняя любовь Ф. М. Достоевского: А. Г. Достоевская. Дневник 1867 года / предисл. С. В. Белова. — СПб.: Андреев и сыновья, 1993. — 461 с.
14. Рогов А. А., Скабин А. В., Талбонен А. Н., Штеркель И. А. Некоторые особенности создания автоматизированной системы дешифровки исторических стенограмм // Интернет и современное общество: материалы XIV Всероссийской объединенной конференции «Интернет и современное общество». Санкт-Петербург, 12–14 октября 2011 г. — СПб., 2011. — С. 132–138 [Электронный ресурс]. — URL: <http://ojs.ifmo.ru/index.php/IMS/article/view/166/162> (20.02.2018).
15. Рогов А. А., Скабин А. В., Штеркель И. А. Автоматизированная информационная система распознавания исторических рукописных документов // «Информационная среда вуза XXI века»: материал VI Международной научно-практической конференции (Куопио, Финляндия), 4–10 декабря 2012. — Петрозаводск, 2012. — С. 127–130.
16. Соколов Н. Н. Письмо вчера, сегодня, завтра. — М.: Просвещение, 1989. — 144 с.
17. Jorge Bravo, Azat Ambartsoumian and Diana Campi. The history of shorthand in Germany // International Federation for Information and Communication Processing Intersteno. E-news 80. — 2017. — June. — С. 10–16 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.intersteno.ru/images/enews80.pdf> (20.02.2018).

Дата поступления в редакцию: 18.03.2018

Irina S. Andrianova

*Ph.D. in Philology
Head of Web-laboratory of the Faculty of Philology,
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)*

yarysheva@yandex.ru

Oksana A. Sosnovskaya

*Master of Arts of the Web-Laboratory
of the Institute of Philology,
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)*

sosna2679@yandex.ru

SHORTHAND SYSTEM OF ANNA DOSTOEVSKAYA: THE PROBLEM OF DECRYPTION

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR according to the research project no. 17-34-01075-OGN a2.

Abstract. One of the particular features of the Dostoevsky family's handwritten archive is that it contains documents containing verbatim records. This is the diary of Anna Dostoevskaya of 1867, rough novel "The Brothers Karamazov", "A Writer's Diary", a series of memorial and business records made by the writer's assistant. Most of these documents were deciphered in the 1950s-1970s by Ceciliya Poshemanskaya, however, there are documents, lines, words, left undeciphered or presumably deciphered while those deciphered require critical analysis. The purpose of this study is to find out whether the decoding of the transcripts of Anna Dostoevskaya 150 years since their creation, whether it is possible to repeat the experience of Ceciliya Poshemanskaya today. To achieve this goal, the main features of the stenographic system by Dostoevsky's wife were identified, and difficulties in reading her transcripts were spotted. Anna Dostoevskaya used the German Gabelsberger cursive shorthand system adapted for the Russian language by Pavel Olkhin and currently forgotten. But she also updated this shorthand for her own use, inserting some logical acronyms "Samoslovy" inventing a "system in the system", and thus, making the task of reading her transcripts more complicated. Our attention is focused on the earliest of A. Dostoevskaya's shorthand documents still existing — the first part of the diary deciphered and edited by her and Ceciliya Poshemanskaya which provides a "key" to all the shorthand notes of the writer's wife. Our experience of the work upon the given autograph showed that the methods employed by Ceciliya Poshemanskaya, more specifically the compilation of abbreviations dictionary used by Anna Dostoevskaya in her work and the use of this dictionary in further decryption, is still relevant today, especially due to the possibility of using modern digital technologies. The article presents excerpts from unknown archival materials of Anna Dostoevskaya and Ceciliya Poshemanskaya, shapes a plan in the study of verbatim records of Anna Dostoevskaya.

Keywords: shorthand, decryption, F. M. Dostoevsky, Anna Dostoevskaya, diary, Franz Xaver Gabelsberger, Pavel Olkhin, Ceciliya Poshemanskaya

REFERENCES

1. Andrianova I. S. "High Art": Fedor Dostoevsky and Stenography. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2017, no. 4, pp. 164–181. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1516626605.pdf (accessed on February 20, 2018). (In Russ.)
2. Vlasov D. Shorthand and Its Knight. In: *Nauka i zhizn'*, 2007, no. 9. Available at: <https://www.nkj.ru/archive/articles/11603/> (accessed on February 20, 2018). (In Russ.)
3. Gippiyev M. B., Zhukov A. V., Rogov A. A., Skabin A. V. Recognition of Lines in the Historical Handwritten Documents. In: *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya [Modern Problems of Science and Education]*, 2013, no. 4. Available at: www.science-education.ru/110-9725 (accessed on February 20, 2018). (In Russ.)
4. Gippiyev M. B., Rogov A. A. Classification of Symbols in Shorthand Documents: Basic, Superscript and Subscript. In: *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Fiziko-matematicheskie nauki [Proceedings of Petrozavodsk State University. Ser.: Physical and Mathematical Sciences]*, 2014, December, no. 8, vol. 2, pp. 115–118. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/klassifikatsiya-simvolov-v-stenograficheskikh-dokumentah-na-osnovnye-nadstrochnye-i-pod-strochnye> (accessed on February 20, 2018). (In Russ.)
5. Gippiyev M. B., Rogov A. A. Experimental Comparison of Algorithms for Symbols' Classification in Shorthand Documents. In: *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Fiziko-matematicheskie nauki [Proceedings of Petrozavodsk State University. Ser.: Physical and Mathematical Sciences]*, 2015, June, no. 4, pp. 115–120. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/eksperimentalnoe-sravnenie-algoritmov-klassifikatsii-simvolov-v-stenograficheskikh-dokumentah> (accessed on February 20, 2018). (In Russ.)
6. Grossman L. P. *Seminariy po Dostoevskomu: materialy, bibliografiya i kommentarii [A Colloquium on Dostoevsky: Materials, Bibliography and Comments]*. Moscow, Petrograd, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1922, 120 p. (In Russ.)
7. Dostoevskaya A. G. *Vospominaniya. 1846–1917 [Memoirs. 1846–1917]*. Moscow, Boslen Publ., 2015. 768 p. (In Russ.)
8. Ershov N. A. *Obzor russkikh stenograficheskikh sistem [A Review of Russian Shorthand Systems]*. St. Petersburg, Redaktsiya zhurnala "Pedagogicheskiy muzey" Publ., 1880. 144 p. (In Russ.)
9. Zhitomirskaya S. V. Anna Dostoevskaya's Decrypted Diary. In: *Fedor Dostoevskiy. Novyye Materialy i issledovaniya [Fedor Dostoevsky. New Materials and Studies]*. Moscow, Nauka Publ., pp. 155–166. (Ser. "Literary Heritage"; vol. 86) (In Russ.)
10. Zhitomirskaya S. V. Anna Dostoevskaya's Diary as a Historical and Literary Source. In: *Dostoevskaya A. G. Dnevnik 1867 goda [Anna Dostoevskaya's Diary for the Year 1867]*. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 391–422. (In Russ.)
11. Ivanin M. *O stenografii ili iskusstve skoropisi, v primenenii ee k russkomu yazyku [About Stenography or Art of Shorthand as Applied to the Russian Language]*. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk Publ., 1858. 35 p. (In Russ.)
12. Ol'khin P. M. *Rukovodstvo k russkoy stenografii, po nachalam Gabel'sbergera, publichno prepodavaemoy po porucheniyu Ministerstva narodnogo prosveshcheniya [Guide to the Russian Shorthand Based on the Gabelsberger Shorthand System Publicly Taught on Behalf of the Ministry of Public Education]*. St. Petersburg, Tipografiya doktora M. Khana Publ., 1866. 183 p. (In Russ.)
13. *Poslednyaya lyubov' F. M. Dostoevskogo: A. G. Dostoevskaya. Dnevnik 1867 goda [Last Love of Fedor Dostoevsky: Anna Dostoevskaya's Diary for the Year 1867]*. St. Petersburg, Andreev i synov'ya Publ., 1993. 461 p. (In Russ.)

14. Rogov A. A., Skabin A. V., Talbonen A. N., Shterkeľ I. A. Some Features of the Creation of the Automated System of Deciphering Shorthand Reports. In: *Internet i sovremennoe obshchestvo: Sbornik nauchnykh statey. Materialy XIV Vserossiyskoy ob"edinennoy konferentsii «Internet i sovremennoe obshchestvo». Sankt-Peterburg, 12–14 oktyabrya 2011 g.* [Internet and Modern Society: Materials of the 14th All-Russian Joint Conference "Internet and Contemporary Society". St. Petersburg, October 12–14, 2011]. St. Petersburg, 2011, pp. 132–138. Available at: <http://ojs.ifmo.ru/index.php/IMS/article/view/166/162> (accessed on February 20, 2018). (In Russ.)
15. Rogov A. A., Skabin A. V., Shterkeľ I. A. Automated Information System for Deciphering of Historical Shorthand Reports. In: *«Informatsionnaya sreda vuza XXI veka»: material VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Kuopio, Finlyandiya), 4–10 dekabrya 2012* [“Information Environment of the University of the 21st Century”: The Material of the 6th International Scientific and Practical Conference (Kuopio, Finland), December 4–10, 2012]. Petrozavodsk, 2012, pp. 127–130. (In Russ.)
16. Sokolov N. N. *Pis'mo vchera, segodnya, zavtra* [A Letter Yesterday, Today, Tomorrow]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1989. 144 p. (In Russ.)
17. Jorge Bravo, Azat Ambartsoumian and Diana Campi. The History of Shorthand in Germany. In: *International Federation for Information and Communication Processing Intersteno. E-news 80*. 2017, June, pp. 10–16. Available at: <http://www.intersteno.ru/images/enews80.pdf> (accessed on February 20, 2018). (In English)

Received: March 18, 2018.